

УДК 343.71

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГРУППОВЫХ ХИЩЕНИЯХ

канд. юрид. наук В.В. ХИЛЮТА

(Управление юстиции Гродненского облисполкома)

Исследуются актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых при групповых хищениях. Проводится анализ доктринальных и правоприменительных позиций. Рассматриваются основные правила квалификации хищений, совершаемых группой лиц, в случаях, когда только один из участников преступления является надлежащим субъектом, а остальные в силу возраста или по причине невменяемости не подлежат уголовной ответственности, а также хищений, совершаемых специальными субъектами преступления. На основе материалов правоприменительской практики и источников уголовного права показывается вся неадекватность сложившейся ситуации с точки зрения соблюдения стандартов законности при квалификации преступлений против собственности. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства, которые бы позволили последовательно разрешить создавшуюся ситуацию, а также ставятся проблемы, требующие своего дальнейшего разрешения.

Введение. Уголовное законодательство всегда придавало отягчающим обстоятельствам существенное значение, тем более, если речь шла о групповых хищениях. Действительно, совершение преступления группой лиц обычно свидетельствует о более высокой степени его общественной опасности. Здесь количественный признак – участие в преступлении нескольких лиц – придает хищению новое качество, существенно повышая его опасность [1, с. 172], и причиняет в ряде случаев более значительный имущественный ущерб потерпевшим.

Согласно статье 17 УК преступление признается совершенным группой лиц, если хотя бы два лица совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителей. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если исполнители заранее договорились о совместном совершении данного преступления.

Наличие двух или более участников преступления, принимающих непосредственную роль в совершении одного и того же умышленного преступления, – один из главных признаков группы. Если же исполнителем преступления является одно лицо, а другие соучастники выступают в роли организаторов, подстрекателей или пособников, то группа соисполнителей отсутствует [2, с. 58]. Однако данный вопрос приобретает особое значение, когда хищение совершено группой лиц, но только один из участников преступления является надлежащим субъектом, а остальные в силу возраста или по причине невменяемости не подлежат уголовной ответственности.

Так, 16-летний В. совершил кражу автомагнитолы из легкового автомобиля совместно с 13-летним К. и 17-летним Л., являвшимся невменяемым. Районным судом В. был осужден по ч. 2 ст. 205 УК по признаку кражи, совершенной группой лиц. Судом кассационной инстанции приговор оставлен в силе.

Если рассматривать вышеприведенный пример сквозь призму теории и практики, то сразу следует сказать, что в данном случае теория с практикой не совпадают. Как следует из п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г., № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», именно «как хищение группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой следует квалифицировать действия участников хищения независимо от того, что другие участники преступления освобождены от уголовной ответственности». Иное мнение на этот счет высказывают криминалисты, полагая, что в такого рода ситуациях признаки группы в уголовно-правовом смысле отсутствуют [2, с. 59].

Сторонники первой позиции, предлагая действия лица квалифицировать как совершенные в группе, независимо от того, по каким основаниям другие участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности или были от нее освобождены, фактически все сводят к тому, что такого рода преступления все равно обладают повышенной степенью общественной опасности по сравнению с единичным исполнением преступления и не учитывать это никак нельзя, так как лица, совершившие хищение в группе, непосредственно участвуют в его исполнении [3, с. 35 – 36].

Так, судья Верховного Суда Республики Беларусь В. Чемруков говорит о том, то если по делу с достоверностью установлено, что кража имущества совершена группой в составе двух лиц, одно из которых установить не представилось возможным, то в таких случаях срабатывает правило, что неустановленное лицо считается обычным, нормальным человеком, т.е. вменяемым, способным нести уголовную ответственность, и деяния установленного лица квалифицируются как совершенные в группе [21, с. 17]. Занимая такую позицию в ситуации с участием невменяемого лица, суды исходят из того, что это лицо нельзя свести до положения обычного орудия преступления в руках другого участника.

Таким образом, судебная практика исходит из того, что группа главным образом рассматривается как способ совершения преступления, как признак объективной стороны, когда решающее значение приобретает количество причинителей вреда, а не их способность быть виновными и нести уголовную ответственность.

Категорически возражая против такой квалификации, например, А.И. Бойцов задается вопросом: как можно считать участником преступной группы лицо, которое не может в полной мере вообще отдавать себе отчет о своих действиях, осознавать их и руководить ими вследствие малолетнего возраста или состояния невменяемости [4, с. 566]? А поскольку группа является формой соучастия, совершение хищения одним субъектом при участии других лиц, не отвечающих признакам субъекта, не образует данного квалифицирующего признака [5, с. 425; 6, с. 125; 7, с. 105; 22, с. 55]. В такой ситуации нельзя говорить о группе в уголовно-правовом значении этого понятия, так как сознательное использование действий малолетнего или невменяемого означает опосредованное исполнительство.

В.М. Хомич в данной ситуации ведет речь о том, что указанные групповые способы сопричинения (совместного совершения) преступного деяния не образуют соучастия и в соответствии с системными и содержательными изменениями уголовного закона ныне не могут квалифицироваться как совершение преступления группой лиц по соответствующим статьям Особенной части УК [20, с. 37 – 38]. В случае заблуждения одного из фактических соисполнителей относительно не достижения другим лицом возраста уголовной ответственности или его невменяемости ответственность для надлежащего субъекта наступает за покушение на совершение преступления группой. Таким же образом, В.М. Хомич в противовес мнению предлагает квалифицировать действия одного из соисполнителей в случаях неустановления личности другого соисполнителя и отсутствия доказательств, подтверждающих его возраст и состояние невменяемости во время совершения преступления [20, с. 52].

Действительно, по поводу предпоследнего утверждения можно даже сослаться на п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г., № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», где сказано, что «если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и по соответствующей части ст. 172 УК». Однако по сути описанная ситуация несколько иная, и должного внимания в разрешении проблемы она оказать не сможет.

Причиной же «раздора», как нам представляется, служит ч. 1 ст. 16 УК: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Фактически такая формулировка и используемая фраза – «двух и более лиц» – дают возможность судебным органам признавать действия участников преступления (в том числе невменяемых или недостигших возраста уголовной ответственности) как совершенные группой лиц, несмотря на имеющиеся категорические возражения на этот счет в юридической литературе.

Получается, что вчерашний студент, изучавший уголовное право по учебникам, став, например, судьей вынужден будет принимать совсем иное решение, чем то, которому его учили в университете, иначе вынесенный им приговор будет отменен.

То, что на этом проблемы не исчерпываются, свидетельствует и квалификация в судебной практике действий лиц (как преступления группой лиц с предварительным сговором), совершающих хищение вместе со специальным субъектом преступления (ст. 210, ст. 211 УК).

Так, Г., являвшийся заведующим складом и будучи материально-ответственным лицом, по заранее достигнутой договоренности с водителем этой организации К. незаконно выдал ему товар со склада. Г. поручил К. вывезти полученное таким образом имущество со склада организации (охраняемой территории). Районным судом действия Г. и К. были квалифицированы по ч. 2 ст. 211 УК.

В иной ситуации Ф. и Ш. обвинялись в хищении семенной пшеницы, совершенном при следующих обстоятельствах. Ф. саял озимую пшеницу, а Ш., получая зерно по накладной, возил ее со склада на поле. Ф. предложил Ш. похитить часть пшеницы. Оставив в кузове автомашины семь мешков семенной пшеницы, они отвезли ее в близлежащий населенный пункт и продали. Суд, соглашаясь с квалификацией, сделанной органами предварительного следствия, признал виновными Ф. и Ш. в присвоении вверенного имущества, совершенном группой лиц по предварительному сговору.

Такая квалификация прежде всего обусловлена имеющимися рекомендациями высшего судебного органа страны. Так, в пункте 19 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г., № 15 сказано: «Лица, непосредственно участвовавшие в похищении имущества путем злоупотребления служебными полномочиями либо путем присвоения или растраты группой лиц по предварительному сговору с должностным лицом или лицом, которому это имущество вверено, несут ответственность соответственно по ст. 210 или 211 УК. В остальных случаях их ответственность наступает за соучастие в этих преступлениях».

Наличие данного положения нередко объясняется тем, что лица, совершающие хищение по предварительному сговору, непосредственно участвуют в его исполнении [8, с. 220 – 221]. Подобно тому как при насильственном грабеже или разбое не обязательно применение насилия или угрозы насилием каждым членом группы, а достаточно осознания ими того, что они участвуют в хищении с использованием указанного способа, так и в рассматриваемом случае использование служебных и иных правомочий в отношении похищаемого имущества хотя бы одним членом группы вменяется сознающим это отдельным соучастникам, непосредственно участвующим в завладении имуществом [7, с. 104].

Иными словами, соисполнитель приравнивается к специальным субъектам составов преступлений [9, с. 136 – 139; 10, с. 45] (ст. 210 УК либо ст. 211 УК), ибо эти нормы (присвоение либо растрата, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) выделяют ответственность за способ хищения, а не устанавливают ее лишь в связи с особенностями лиц, могущих совершить предусмотренные данными статьями преступления. И в данном случае указание на использование лицом при совершении преступления своих полномочий действительно может толковаться не как признак специального субъекта, а как обстоятельство, характеризующее объективную сторону преступления [11; 12, с. 109].

Однако справедливости ради можно сказать, что в тех же актах судебного толкования допускается совсем противоположная точка зрения, нежели изложенная выше.

Так, в пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424 – 428 УК)» судам республики разъясняется, «что лица, не являющиеся субъектами преступления против интересов службы, но участвовавшие в совершении преступлений, предусмотренных ст. 424, 425, 426, 427 УК, могут быть организаторами, подстрекателями либо пособниками и подлежат ответственности по данным статьям УК со ссылкой на ч. 4, ч. 5 или ч. 6 ст. 16 УК (ч. 7 ст. 16 УК)».

Примерно такого же рода подход сохранен в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»: «Как взяткодатели несут ответственность должностные лица, предложившие своим подчиненным добиваться путем дачи взятки другому должностному лицу желаемого действия или бездействия. Лица, вступившие по указанию своих руководителей в сговор с должностными лицами о выполнении за взятку определенных действий и вручившие взятку, являются соучастниками этого преступления. Если же они лишь передали взятку, зная о характере поручения, их действия следует расценивать как посредничество во взяточничестве». Более того, в доктрине уголовного права утверждается, что лица, не обладающие признаками специального субъекта и совместно с ними участвовавшие в совершении преступления, могут нести ответственность за преступление со специальным субъектом только как организаторы, подстрекатели или пособники. Эти лица не признаются соисполнителями преступления со специальным субъектом даже в том случае, если они участвовали в выполнении объективной стороны состава преступления [13, с. 131; 14, с. 276; 15, с. 485 – 486; 16, с. 74; 22, с. 56].

Допускаемые высшей судебной инстанцией страны отступления от этого положения предлагается считать ошибочными, так как фактически в этом случае игнорируется общепризнанное положение, согласно которому исполнителями преступлений со специальными субъектами могут быть только лица, указанные в диспозициях статей закона об ответственности за такие преступления.

Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, присвоение либо растрата вовсе не имеют никакой специфики в сравнении с другими деяниями с точки зрения принадлежности их к группе преступлений со специальным субъектом. Однако на практике получается, что Пленум Верховного Суда Республики Беларусь фактически отождествляет специальных субъектов преступления, предусмотренных в ст. 210, 211 УК, с другими лицами (в частности, с рядовыми и техническими работниками [17, с. 55]). С равным успехом, как замечает А.И. Бойцов, можно рассматривать в качестве «предварительного сговора группы лиц» соглашение вора и отмычки, объединение мошенника и подложного документа, союз разбойника и кистеня [4, с. 568]. И если это положение является изъятием из общего правила квалификации преступлений со специальным субъектом применительно к хищениям, то почему тогда его не распространить и на другие составы преступлений? Наряду с этим можно также сказать, что квалифицирующие обстоятельства (указанные в ст. 210, 211 УК), относящиеся к личности исполнителя или одного из соучастников, не должны вменяться другим соучастникам, даже если они охватывались их сознанием. Эти обстоятельства характеризуют общественную опасность личности преступника и могут отягчать ответственность только того, к кому они относятся [18, с. 196].

Учитывая вышеизложенное, не случайно в одном из проектов Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» 2004 г. в п. 9 предлагалось исполнителем присвоения или растраты считать только то лицо, которое надедено в отношении вверенного имущества определенными полномочиями...; «соучастники, не обладающие признаками специального субъекта присвоения или растраты, должны нести уголовную ответственность за указанные преступления лишь в качестве организаторов, подстрекателей или пособников».

Как видно, в данном случае основной акцент делается на исполнителя преступления. А согласно ч. 3 ст. 16 УК исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами, либо совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности.

Таким образом, если лица, не обладающие специальными полномочиями, совершили хищение совместно с лицами, являющимися специальными субъектами преступлений (ст. 210, 211 УК), то они должны нести ответственность не в качестве соисполнителей, а в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. С другой стороны, безусловно, пусть и при различном раскладе, недооценивать факт совершения преступления группой (даже если из двух одно лицо и не является специальным субъектом) тоже не стоит. Ведь как бы там ни было, но в действительности объективную сторону преступления выполняют два человека, и порой даже неспециальный субъект больше усердствует в совершении преступления, нежели специальный.

В какой-то степени, решив, наверное, примерить обозначенные антагонистические позиции, В.М. Хомич применительно к рассматриваемой проблеме указывает, что из всякого общего правила допустимы исключения, и они связаны с особенностями конструкции объективной стороны некоторых преступлений. Главным образом ученый опирается на то, что для ряда преступлений требование об их совершении только специальными субъектами обусловлено не всей совокупностью действий, образующих объективную сторону этих преступлений, а только некоторыми из них, составляющими его объективную сторону. Так, при хищении имущества путем присвоения или растраты необходимость специального субъекта обусловлена особым отношением субъекта к факту обладания тем имуществом, которое похищается. И в данном случае, как утверждает В.М. Хомич, нет выраженного акта завладения имуществом, а момент хищения констатируется фактическим присвоением этого имущества [20, с. 51].

Резюмируя, можно сказать, что соисполнительство в преступлениях, требующих специального субъекта с лицом, не обладающим такими признаками, допустимо в тех случаях, когда данное преступление по объективной стороне носит сложный или составной характер и состоит из таких действий, которые могут выполняться лицом, не наделенным признаками специального субъекта. Однако если это «универсальное правило», то необходимо его закрепить законодательным образом, а пока признаки, указанные в законе, не позволяют особо трактовать группу для случаев совершения хищений со специальным субъектом.

Так, Г., являясь должностным лицом в заготовительной организации, в сговоре с водителем этой организации К. совершил хищение 2 тонн картофеля. Г. приказал отгрузить 2 тонны картофеля, а К. вывез этот картофель за пределы организации. Впоследствии Г. и К. продали похищенный картофель, а полученные деньги поделили между собой. Г. и К. были осуждены по ч. 2 ст. 210 УК.

Безусловно, объективно следует признать, что групповое совершение преступления, когда признаками специального субъекта преступления обладает только одно лицо, не должно в принципе образовывать группового хищения. Но практика борьбы с преступностью свидетельствует об обратном, невольно заставляя того же правоприменителя идти по пути усиления уголовной ответственности за совершение групповых хищений, тем самым в случае похищения имущества делая некое исключение из общего правила квалификации противоправных деяний специальными субъектами преступлений.

Однако достойно ли данное правило исключения? К сожалению, это уже вопрос не времени и не правовой доктрины, а воли законодателя.

Таким образом, исходя из всего изложенного можно сделать следующие **выводы**:

1) квалифицировать действия лиц по признаку группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, независимо от того, что другие участники хищения освобождены от уголовной ответственности по законным основаниям, формально дает основание редакция ч. 1 ст. 16 УК: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Если в тексте данной статьи слова «двух и более лиц» заменить на «нескольких субъектов преступления», то всякие основания подобного рода действия (один из двоих участников совершения преступления является субъектом преступления, а второй – нет) квалифицировать по признаку группы лиц отпадут, так как соисполнительство при такой формулировке будет отсутствовать;

2) доктрине уголовного права следовало бы предложить законодателю закрепить в Общей части УК правила квалификации групповых способов совместного совершения (сопричинения) преступного деяния лицами, не могущими быть надлежащими субъектами групповых преступлений;

3) усиление уголовной ответственности в ст. 210, 211 УК в случаях совершения хищений лицами, не являющимися специальными субъектами преступления со специальным субъектом (если в данном вопросе не занимать позицию Верховного Суда Республики Беларусь, а следовать буквальному доктринальному толкованию), возможно в случае, например, дополнения ч. 2 ст. 210 УК следующего характера: «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенное повторно либо группой

лиц по предварительному сговору, либо с лицами, не являющимися специальными субъектами данного преступления» [19, с. 90 – 100] (соответственно в ст. 211 УК: «Те же деяния, совершенные повторно либо группой лиц по предварительному сговору либо с лицами, не являющимися специальными субъектами данного преступления»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров, В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М.: Юрид. лит., 1986. – 208 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
3. Хилюта, В. Ответственность за незаконный оборот имущества / В. Хилюта // Обзор судебной практики. – 2006. – № 8. – С. 30 – 37.
4. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 775 с.
5. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – Т. 3. – 672 с.
6. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М.: ЛексЭст, 2005. – 408 с.
7. Тишкевич, И.С. Квалификация хищений имущества / И.С. Тишкевич, С.И. Тишкевич. – Минск: Репринт, 1996. – 144 с.
8. Кригер, Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. – М.: Юрид. лит., 1974. – 336 с.
9. Матышевский, П.С. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в Украинской ССР / П.С. Матышевский. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 200 с.
10. Борьба с хищениями, совершаемыми путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением. Правовые, психологические и криминологические аспекты. – Горький, 1976. – 168 с.
11. Щенсельков, В.Ф. Определение вида соучастников в преступлениях со специальным субъектом / В.Ф. Щенсельков // Российский следователь. – 2003. – № 7. – С. 37 – 38.
12. Тишкевич, И.С. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность / И.С. Тишкевич. – Минск, 1984. – 168 с.
13. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общ. часть: конспект лекций / Н.А. Бабий. – Минск: Тесей, 2000. – 288 с.
14. Советское уголовное право. Общ. ч. / под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Юрид. лит., 1981. – 517 с.
15. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 года / под ред. П.И. Мельника, Н.И. Хавронюка. – Киев: Капон, 2002. – 1216 с.
16. Севрюков, А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.П. Севрюков. – М.: Экзамен, 2004. – 352 с.
17. Ляпунов, Ю. О толковании закона по делам о хищениях социалистической собственности / Ю. Ляпунов // Соц. законность. – 1988. – № 10. – С. 54 – 57.
18. Погребняк, И.Г. Квалификация хищений, совершенных по предварительному сговору группой лиц / И.Г. Погребняк // Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 188 – 200.
19. Белокуров, О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества / О.В. Белокуров. – М.: Юрист, 2003. – 112 с.
20. Хомич, В.М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В.М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – 352 с.
21. Чемруков, В. О правовой оценке общественно опасных деяний, совершенных в состоянии невменяемости / В. Чемруков // Судовы веснік. – 2005. – № 4. – С. 15 – 17.
22. Барков, А. Правовая оценка групповых преступлений / А. Барков // Судовы веснік. – 1997. – № 1. – С. 52 – 56.

Поступила 24.04.2007